

еретиков» 1490 г.⁶⁰ Паисий же в событиях этих лет держал, по всей видимости, сторону Ивана III: именно его хотел посадить великий князь на место несговорчивого митрополита Геронтия.⁶¹ Связь с Паисием должна была как будто определять сочувствие Нила великому князю во время споров 1478—1483 гг., но, с другой стороны, Нил был связан (и вероятно теснее, чем с Паисием) с более молодым представителем кирилловской братии — Гурием Тушиным. Гурию было адресовано одно из важнейших посланий Нила, им же были переписаны три дошедших до нас сборника житий «Нилова потруженья».⁶² А между тем Гурий Тушин был связан с иной группой, борющейся в 1478—1483 гг. В своем «летописчике», дошедшем до нас в одной из кирилловских рукописей, Гурий поведал об «уходе старцев» в 1483 г., закончившемся победой Михаила Андреевича и удалением игумена Серапиона, но зато совсем обошел предшествующее столкновение, имевшее противоположный исход. Сам Гурий был явно близок к предшественнику Серапиона — Нифонту: он был постриженником этого игумена и в своем летописчике аккуратно перечислил всех остальных постриженников Нифонта.⁶³ Мало того, в своем летописчике, составленном без соблюдения точного хронологического порядка, Тушин дважды подводит читателя к 6991 (1483) г. — году падения игумена Серапиона;⁶⁴ но он скромно умалчивает о том, кто стал игуменом после того, как Серапион благодаря вмешательству «старцев» был «отогнан» от монастыря. Мы узнаем об этом из другого источника — списка кирилловских игуменов: преемником смещенного Серапиона (и, очевидно, носителем противоположных ему тенденций) стал сам Гурий Тушин, несмотря на свой недавний постриг (1479 г.) и вероятную молодость.⁶⁵

Неясность позиции Нила в событиях 1478—1483 гг. не позволяет установить, какое из упомянутых выше событий было поводом к его «изшествию» из монастыря. Но приведенные выше замечания Нила в грамоте Герману ясно показывают, что «изшествию» этому предшествовали серьезные разногласия между ним и основной частью кирилловских «старцев». Если бы весь монастырь держался бы таких же «нестыжательских» взглядов, как Нил, а оппозиция этим взглядам исходила только от двух игуменов, Нилу незачем было бы уходить из монастыря, да и еще «братиться» из-за этого со своими прежними друзьями.

Уход Нила из своего монастыря — не исключительное явление в истории монастырского быта конца XV в. Так же, как и Нил, и примерно в те же годы, покинул свою обитель и обратился к изысканию новых путей организации монашества (паломничая для этой цели, в частности, в Кирилло-Белозерский монастырь) и другой церковный деятель того времени — Иосиф Волоцкий.

Сходство между биографиями Нила Сорского и Иосифа Волоцкого обнаруживается и в другом. В истории древней Руси Иосиф Волоцкий выступает, как известно, не только в качестве реорганизатора церковно-монастырского уклада, но и в роли свирепого «обличителя ересей». Сорат-

⁶⁰ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1841, стр. 158. Памятники, которые А. С. Архангельский считал посланиями Нила к Паисию, в действительности таковыми не являются (см. ниже, стр. 211).

⁶¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

⁶² См. ниже, стр. 188—199 и 204.

⁶³ Соф. 1468, л. 177—177 об.

⁶⁴ Соф. 1468, лл. 177—177 об. и 177 об.—178 об. (6984, 6986, 6987, 6989, 6993, 6991, 6964, 6971, 6973, 6974, 6981, 6986, 6988, 6989, 6991...).

⁶⁵ Ср., например, списки кирилловских игуменов: ГПБ, Соф. 1462, л. 2 об.; Соф. 1166, л. 154 об.; Соф. 1167, л. 151 и др.